
О СФЕРАХ, СЕТЯХ И ХОРОШЕМ ТЕКСТЕ (послесловие переводчика)

Л.Ю. Бронзино

Кафедра социологии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

...Было не так уж абсурдно выкинуть красную тряпку
в центр этой корриды: кроме прочего, именно так
нам иногда удается победить глупых животных... [10. Р. 134].

Едва появившись на страницах российских научных журналов, имя Бруно Латтура приобрело известность, но с привкусом скандала — он тот, кто утверждает, что «нового времени не было» и что «вещи дают сдачи», он пытается сделать предметом социального исследования «нечеловеков», предлагает нестандартную теорию « сетевого актора», требует пересмотра основ социального знания, возрождая вроде бы решенную дилемму социальных и естественных наук, угрожает, наконец, и без того шаткому (из-за многочисленных попыток преодолеть кризис научно-технократической цивилизации посредством формирования новых парадигмальных основ знания) положению современной науки.

Опасения, как и недоверчивое отношение к очередным экзотическим западным новшествам, понятны и даже в чем-то уже обыденны, но случай Латтура исключителен: с одной стороны, многие его тексты не только прочитали и перевели, но и подвергли серьезному анализу (сошлемся хотя бы на предисловие редактора «Нового времени не было» О.В. Хархордина [9] — не только основательное с содержательной точки зрения, но и почти «соразмерное» предваряемому сочинению Латтура), чем может похвастаться далеко не всякий современный западный мыслитель. С другой — не учли того факта, что идеи Латтура производят ровно тот эффект, на который он и рассчитывает.

Речь идет не о погоне за популярностью, в которую современный интеллигент включается, уступая требованиям «медиакратического» общества, а исключительно о стремлении собственную теорию воплотить в жизнь, проводя эксперименты на самом себе. Как врач, испытывающий на себе действие только что изобретенной вакцины, Латтур *плетет свои сети и включает в свои сферы*: критики (как и аналитики, редакторы, переводчики и просто читатели) усиливают сети, добавляя к ним новые ячейки или звенья, создавая дополнительные взаимодействия, поддерживая их и развивая, «каждый элемент текста может стать точкой бифуркации, событием или источником нового перехода» [10. Р. 188].

Провокация такого рода требует специфического дискурса. Латтуровские тексты критичны и негативны — он последовательно объясняет, кем он *не* является: он не конструктивист, не субъективист и не объективист, не позитивист и даже

не француз (поскольку пристрастие к хорошему стилю «очень по-французски»), а появление в тексте понятий нарратива или дискурса однозначно отсылает к известной французской традиции: «Я совсем не верю, что мир создан из слов или рассказов... Это ужасно по-французски» [10. Р. 216].

Латур сознательно избегает ловушки универсальности, называя ее пороком социального объяснения: вместо описания того, что акторы на самом деле делают, социальные мыслители сочиняют объяснительные схемы, «чтобы дублировать то, что „произошло на самом деле“, другим миром, который существует „позади“ социальных феноменов» [10. Р. 134]. Принадлежность к определенной школе или направлению означала бы, что такой набор образов Латур должен разделять, принимая базовую идею некоего «изма» — парадигмы или исследовательских «рамок». Велико искушение приписать ему такую ассоциацию, разом решив проблему понимания его теории, а нестыковки объявить «спецификой». Однако Латур заранее предусмотрел ответ на предположение о своем «конструктивизме» или «позитивизме»: в принципе он может разделять эти идеи, как и многие другие, но только если забыть обыденное и редуцированное понимание школ (направлений) и привычку перечислять длинные ряды имен, принадлежащих к «традиции».

В результате неумеренного пристрастия аналитиков к универсалиям такого рода затемнен или даже обращен их смысл: например, конструктивизм обрел оттенок субъективизма, а описываемые в его рамках феномены стали рассматриваться как искусственно созданные, а не собственно «построенные» («Против нашей воли конструктивизм стал синонимом своей противоположности: деконструктивизмом» [10. Р. 133]).

Поверхностно понимаемый позитивизм, в свою очередь, опасается редукционизма в описании человеческих взаимодействий, потому «позитивисты, скорее, выглядят как отсутствующие собственники, не знающие, что делать со своей землей» [10. Р. 162]. И, разумеется, он объективист в том смысле, что требует возвращения к объектам («назад к вещам»), ведь науки — и естественные, и социальные — объективны постольку, поскольку исследуют объекты, а не из-за того, что, считая себя «умнее» своих объектов («наивных акторов»), говорят от их имени, приписывая собственный смысл их действиям (поступкам).

Акторы сопротивляются абстрактным схемам, потому что вовсе не являются такими покорными, какими хотелось бы их видеть убежденным в своей связи с «политическим телом» (и в своей ангажированности видящим особое предназначение науки об обществе) социальным мыслителям. В покорности акторов заинтересованы все: государство, созданный монстр-Левиафан, стоящий на глиняных ногах, — потому что если считать индивидуальных акторов достойными специального внимания и учитывать их интересы в ущерб «всеобщему благу» (исключительное право истолкования которого также принадлежит неразрывному союзу политиков и социологов), оно рискует разрушиться, не имея иных интегральных механизмов, кроме приписанных сомнительным термином «социальное»; социологи — поскольку лишь покорные акторы статичны, и это единственное состояние, в котором их можно зафиксировать и при котором социальное объ-

яснение выглядит работающим. Не важно, что это состояние не соответствует реальности непрерывно действующих акторов, — зато остается в неприкосновенности привычный инструмент изучения общества.

Негативность есть свойство латуровской мысли — он, в первую очередь, критик (хотя собственно критической социологии от него также достается хорошая порция отрицательного заряда). Но и от ассоциации с традицией критики он тоже упорно отрецивывается. «Критические теоретики прикрывали шкурами «объяснения» свои спины и давали дополнительное доказательство факту, что «наивные акторы» соответствуют их маленьким фантазиям» [10. Р. 145], ничем не отличаясь от «не-критических», поскольку всегда находились внутри отрицаемой ими системы — как с точки зрения «собственно общественной» (университетских иерархий, грантов, дорогостоящего лабораторного оборудования, системы публикаций и ученых званий), так и с точки зрения научной, предполагающей использование все той же методологии.

Когда акторы специфичны — сами являются субъектами науки, будучи объектами для *science studies*, — задача их исследования осложняется уже тем, что изучаемые объекты не просто постоянно трансформируются, но и смысл своего существования видят в инновационной деятельности. Их функция — создание нового, они живут ради момента возникновения ранее не бывшего и потому не соглашаются с редуцированным социальным объяснением: недостаточно создать набор социально-экономических и культурных предпосылок, чтобы гарантировать научное открытие, — они еще более «непокорны» — следовательно, социальное объяснение не работает в научных лабораториях.

Латуровское описание того, как к нему в лаборатории Роже Гюльмана пришло данное понимание скорее поэтично, чем научно: «Социальное не может заменить даже самого маленького полипептида, даже самого крошечного камешка, самого безвредного электрона, самого прирученного бабуина. Объекты могут объяснять социальное, а не наоборот. Нет более впечатляющего эксперимента, чем тот, что я видел своими глазами: социальное объяснение испарилось» [10. Р. 142].

Социальное объяснение есть порождение идолов разума и фетишей модерна, созданных претендующими на просвещенность европейцами, чтобы подчеркнуть собственное превосходство над верящими в примитивных богов и создающих каменных идолов традиционными («нецивилизованными») обществами.

Однако модерн лишь поставил на место старых идолов новых, придав магическую силу Разуму, воплотившемуся в социальном объяснении, заменил «одно трансцендентное другим, как хорошо видно у Дюркгейма, в руках которого социальное стало еще более неясным, чем религия, которую оно объясняет и оскорбляет» [13. Р. 33].

Единственная претензия «дикарям» со стороны цивилизованных людей модерна состоит в том, что они ошиблись с происхождением магической силы, приписав ее богам, живущим в вытесанных из камня или дерева идолах, тогда как ее истинный источник — в Науке (что вовсе не делает ее менее таинственной и магической).

Латур требует от последней избавиться от такого рода сакральности, стать материальной и «лабораторной». А поскольку созданная модерном наука базируется на *вере* в собственные фетиши, сущностно не отличающейся от примитивных верований, то и построенное на такой науке все здание модерна сомнительно: а был ли модерн?..

Требуется новая методология социальных наук — нужна сеть, процесс формирования которой можно зафиксировать — *отследить*, потому что акторы оставляют *следы*. Постмодернистское и во многом метафизическое понятие Латур преобразует в конкретно-эмпирическое: отслеживание есть результат наблюдения и фиксации в специальных дневниках всех событий, происходящих с акторами. При этом очевидна связь теоретических построений Латура с богатейшей французской социальной мыслью, которая одинаково хорошо служит ему как источником формирования оригинальных идей (латуровская сеть ближе к ризоме, чем к напрашивающейся ассоциации с интернетом), так и объектом самой решительной критики.

С таким же упорством Латур объясняет, что его сеть не есть то, что все подумали. Появившийся Интернет, сделавший неизбежным повышенное внимание к понятию сети, стал для Латура очередным поводом для отрицания — его «сеть» не имеет ничего общего со всемирной паутиной. Сегодня, пишет Латур, этот термин столь многозначен, что если бы не уже сформировавшаяся и получившая известность концепция «сетевого актора», следовало бы поискать иное слово — не столь изобилующее излишними коннотациями. Латур предлагает не онтологическое, а эпистемологическое понимание термина: «Сеть — это концепт, а не вещь; это инструмент, который помогает что-то описать, а не то, что описывается» [10. Р. 191].

Латур, похоже, лукавит, говоря, что подробные объяснения и детальное конструирование концептуального аппарата направлены на избавление от груза коннотаций, который носят большинство используемых им терминов (начиная с многочисленных пронумерованных смыслов «социального»). Здесь, скорее, один из секретов создания «хороших текстов» — способных передать сеть акторов «как они есть», не трансформированных исследовательской субъективной точкой зрения и зафиксированных в процессе перехода — постоянной динамике.

Вопрос о том, что такое хороший текст социальных наук, не было бы смысла ставить, если бы *плохие* тексты не стали на сегодняшний день их характерным признаком. Не в силах достичь объективности, социологи имитируют ее в процессе написания текстов, веря, «что „объективный стиль“ — под которым они подразумевают обычно некоторые грамматические хитрости вроде использования пассивных форм, королевского «мы» и множества подстрочных примечаний — может чудесным образом замаскировать отсутствие объектов и объективаций» [10. Р. 185—186].

Чтобы идея хорошего текста не вызывала ассоциаций с традицией исследований дискурса (понимаемого, в свою очередь, максимально широко — как все возможные «языковые игры», «французские штучки», в которых невозможно разграничить научный и художественный текст), Латур вводит нейтральное слово «отчет», обозначающее письменный результат научного творчества, но лишен-

ное ассоциативного ряда, которым наделены «нарратив», «дискурс», «история» и «рассказ». Собственно против хороших текстов Латур ничего не имеет, но возражает тем, кто считает, что такой подход снимает вопрос об истинности текста и компрометирует социальные науки, утверждая провал их претензий на «научность».

Текст Латура (оторвавшийся от своего создателя и живущий, как и положено текстам эпохи Постмодерна, помимо воли автора) сопротивляется однозначной интерпретации, его не назовешь относительным — но и от идеала строгой научности, если понимать ее в критикуемом им смысле, он также бесконечно далек. В нем сознательно не выдержано единство стиля (научного стиля), к которому автор относится с большим подозрением — ведь тексты, *похожие* на научные, часто пусты и многословны.

Латуровский текст написан так, чтобы убеждать и обосновывать — и если недостаточно аргументов и логических выводов, то в ход идут запоминающиеся примеры, а то и достаточно грубые насмешки над противниками. Ассоциативные ряды, стоящие за каждым словом, почти бесконечны и требуют для своего «прочтения» погружения в широкий культурный контекст (а не только теоретических знаний в области социальных наук) — от комиксов до Хайдеггера.

Текст «Сферы и сети...», хотя и специфичен уже тем, что представляет собой изложение публичной лекции, прочитанной по особому случаю подписания соглашения между двумя учебными заведениями (SPEAP — Science Po École d'Arts Politiques и Harvard-GSD), остается для Латура типичным. Латур провокатор и здесь: возьмем хотя бы различия в английском и французском вариантах названия (оригинальный текст был прочитан и опубликован по-английски), когда «globalization» заменяется на «globale» (франц. вариант), акцентируя этимологию слова и ассоциацию со «сферичностью» мира, с помощью которой проще подчеркнуть связь с идеями П. Слотердайка и самого заявления «Я — слодердикианец!» (учитывая отнюдь неоднозначную научную репутацию последнего).

Сходство идей Латура с предлагаемой Слотердайком теорией (если верить самому Латуру) ограничивается их общим недоверием к альтернативе «естественные науки — гуманитарные науки», базирующемся на декартовском убеждении во вторичности *res extensa* (материального мира) по отношению к *res cogitans*, логическим следствием которого (после того, как «феноменология прошла этим путем») стала хайдеггеровская идея о человеке как «пастухе бытия». Критика Хайдеггера, столь существенная для Слотердайка, для Латура — лишь повод вписать свои идеи в контекст *дизайна* и представить оригинальную версию видения глобального пространства, в которой очевидна некорректность противопоставления естественного и искусственного и, следовательно, представляющих их наук. Глобальное предполагает отсутствие внешнего, а дизайн формирует единое пространство — удивительно некомфортное (учитывая огромные усилия, затраченные на его разработку), но интегрирующее искусственное и естественное.

Чтобы завлечь в свои сети, Латур создает хорошие тексты, в которых лексические и стилистические моменты сами по себе способны формировать содержа-

ние. Такой текст своей многослойностью и ассоциативностью, напрашивается на интерпретацию в духе изящной языковой игры, стимулирует к написанию предисловий и послесловий, хотя в общем-то в них не нуждается. Ответим на это словами другого французского гуру, написавшего ненужное, по его мнению, предисловие с понятной оговоркой: «По крайней мере короткое» [7. С. 22].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Вайбель П.* 10++ программных текстов для возможных миров (1984—2002; 2011). — М.: Логос, 2011.
- [2] *Салинс М.* Фрагменты интеллектуальной автобиографии / Пер. с англ. А.Л. Елфимова // Этнографическое обозрение. — 2008. — № 6. — С. 57—78.
- [3] *Слотердайт П.* Сферы: Макросферология. Т. II. Глобусы. — СПб.: Наука, 2007.
- [4] *Слотердайт П.* Сферы: Микросферология. Т. I. Пузыри. — СПб.: Наука, 2005.
- [5] *Слотердайт П.* Сферы: Плюральная сферология. Т. III. Пена. — СПб.: Наука, 2010.
- [6] *Уайтхед А.* Избранные работы по философии / Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1990. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/uaitn_fil/intro.php
- [7] *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. — СПб.: Университетская книга, 1997.
- [8] *Хайдеггер М.* Творческий ландшафт // Работы и размышления разных лет. — М.: Гнозис, 1993.
- [9] *Хархордин О.В.* Предисловие редактора // *Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. — СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006.
- [10] *Latour B.* *Changer de société. Refaire de la sociologie.* — P.: La Découverte, 2006.
- [11] *Latour B.* Gabriel Tarde and the End of the Social // Joyce P. (edited by) *The Social in Question. New Bearings in History and the Social Sciences.* — L.: Routledge, 2002. URL: <http://www.bruno-latour.fr/node/181>
- [12] *Latour B., Woolgar S.* *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts.* — London and Beverly Hills: Sage, 1979.
- [13] *Latour B.* *Sur la culte moderne des dieux faitiches. Suivi de Iconoclash.* — P.: La Découverte, 2009.

ABOUT SPHERES, NETWORKS, AND GOOD TEXT (afterword by the translator)

L.Yu. Bronzino

Department of Sociology
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay St., 10/2, Moscow, Russia, 117198

REFERENCES

- [1] *Weibel P.* *10++ programmnykh tekstov dlia vozmozhnykh mirov (1984—2002; 2011)* (10++ Program Texts for Possible Worlds). Moscow: Logos, 2011.
- [2] *Sahlins M.* *Fragmenty intellektual'noi avtobiografii.* Per. s angl. A.L. Elfimova (Fragments of an Intellectual Autobiography. Translated from English by Elfimov A.L.). *Etnograficheskoe obozrenie*, 2008, no 6, pp. 57—78.

- [3] Sloterdijk P. *Sfery: Makrosferologiya. T. II. Globusy* (Globes: Spheres Volume II: Macrospherology). Saint Petersburg: Nauka, 2007.
- [4] Sloterdijk P. *Sfery: Mikrosferologiya. T.I. Puzyri* (Bubbles: Spheres Volume I: Microspherology). Saint Petersburg: Nauka, 2005.
- [5] Sloterdijk P. *Sfery: Pliural'naia sferologiya. T. III. Pena* (Spheres Volume III: Plural spherology). Saint Petersburg: Nauka, 2010.
- [6] Whitehead A. *Izbrannye raboty po filosofii: Per. s angl.* (Selected Philosophical Works. Translated from English). Moscow: Progress, 1990. Available at: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/uaitn_fil/intro.php
- [7] Foucault M. *Istoriia bezumiia v klassicheskuiu epokhu* (History of Madness). Saint Petersburg: Universitetskaia kniga, 1997.
- [8] Heidegger M. Tvorcheskii landshaft. In *Raboty i razmyshleniia raznykh let* (Why Do I Stay in the Provinces. In Selected Writings). Moscow: Gnozis, 1993.
- [9] Kharkhordin O.V. Predislovie redaktora. In Latour B. *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii* (Editor's Forward. In Latour B. We Have Never Been Modern). Saint Petersburg: Izd-vo Evrop. un-ta v S.-Petersburge, 2006.
- [10] Latour B. *Changer de société. Refaire de la sociologie*. Paris: La Découverte, 2006.
- [11] Latour B. Gabriel Tarde and the End of the Social. In Patrick Joyce (edited by) *The Social in Question. New Bearings in History and the Social Sciences*. London: Routledge, 2002, pp. 117—132. Available at: <http://www.bruno-latour.fr/node/181>
- [12] Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*. London and Beverly Hills: Sage, 1979.
- [13] Latour B. *Sur la culte moderne des dieux faitiches. Suivi de Iconoclash*. Paris: La Découverte, 2009.